

Клубные встречи Век кино. -1992.-24 кино.

— Но все равно актеры вынуждены подлаживаться под режим. Впрочем, и другие хороши: то власть воспевают, а то публично начинают жечь партбилеты, первыми дают интервью на баррикадах. Очень негативное впечатление это вызывает. К тому же, актерское дело с психикой связано, с переходами из реального в ирреальное, я могу трансформироваться, как губка, быть злодеем и героем. Вот почему людей нашей профессии всегда хоронили за оградой кладбища.

— Действительно, игру великого Михаила Чехова никто не мог объяснить. Это было за гранью разумного, на грани гениальности...

— У меня, кстати, была наметка снять фильм о Михаиле Чехове, когда я познакомился с американским продюсером. Представляешь: сыграть его судьбу — как работал с Вахтанговым, как он уехал из России, как открыл свою актерскую школу, из которой потом вышла плеяда знаменитейших мастеров... Но не нашлось пока человека, который взялся бы за эту тему.

— Сейчас все упирается в деньги. Если бы удалось заработать столько, что хватит на постановку, во что бы вложил?

— Режиссер Саша Клименко, проходивший практику в Голливуде, давно хочет снять сказку Шукшина «До третьих петухов», где согласны работать Нонна Мордюкова, Леонид

— Не уверен, стоит ли петь славу тем, кто стреляет не во славу своей родины, а за деньги. Вот в Грузии видели французских снайперов-женщин: их работу не назовешь гуманной.

— Все по разным причинам идут в наемники. Мой герой отравлен идеологией, убежден, что во славу мировой революции, о которой мечтал Ленин, можно даже из детей готовить убийц. А кто-то пытается убежать от самого себя. Бывают такие черные полосы в жизни, когда ни личная жизнь не складывается, ни в работе не везет: просто катастрофа. У меня сейчас примерно так.

— Как-то неожиданно это слышать от актера, который на волне успеха. У тебя же новые фильмы один за другим идут: «Женский день», «Планица Александра Невского», «Гениальная идея»...

— Был еще недавно «День открытых убийств», снимаемый в Алма-Ате, где мой герой — психически надломленный после войны в Афганистане человек, и «Эскадрон» о подавлении русскими казаками польского восстания в прошлом веке. Страшно, жестоко подавляли: вешали, казнили, жгли. Мы эту страницу истории и не знаем. А мой герой, не желая принимать участия во всем этом ужасе, дезертирует. Но его ловят и забивают шомполами... Попади я сам в такую завару-

Помню, долгое время ты был, как говорят, в завязке, а потом вдруг увидел тебя с рюкзаком и очень расстроился...

— Лет семь я вообще обходился без алкоголя после того, как друзья вытащили меня из состояния страшного отчаяния. Но потом опять начались срывы, слава Богу, летом, когда я был в отпуске и никого не подводил. Нет, как только начинается работа, срываются тормоза, я начинаю себя контролировать. А когда полоса безработицы, когда ощущение, что ты никому не нужен... Я же столько о себе говорю, как о тех артистах, которых точно показал Петя Мамонов в «Такси-блюз». Их же сотни таких...

— Неужели так много было обид на жизнь? Из волгоградского токаря ты стал сначала учеником Олега Табакова, потом артистом известного столичного театра, в кино снимаешься, портреты твои в журналах печатают, в турпоездки ездил по Индии, Филиппинам, Сингапурам — позавидуешь!

— Конечно, мечта детства сбылась (ведь я еще после «Неуловимых мстителей» послал письмо режиссеру Кеосаяну: «Если вам нужен человек, умеющий скакать на лошади, гонять на мотоцикле, стрелять из самопала, я готов»). Но такая уж наша натура, что хочется еще большего, когда чего-то достигаешь. Хочется проверить себя на другой публике, поработать с режиссерами иной школы, «Оскар» получить хочется... Светлую зависть испытываю к Олегу Меньшикову, работающему сейчас в Лондоне и получившему приз имени Лоренса Оливье. Завидую Наташе Негоде, у которой контракт в Америке. Здесь уже тесно становится, да и фильмы наши никому не нужны.

— Это достаточно субъективное мнение. Что еще тяготит?

— Выгляжу пацаном, а на роль пацана-то уже не тяну. И на взрослого вроде тоже. Когда люди узнают, что мне 37, удивляются. Мои сверстники уже стали крупными бизнесменами: кто-то банком заведует, кто-то, как Бог, владеет компьютером, кто-то уехал на Запад и встал на ноги там. Светлые головы! Подумаешь там — 37 лет! Может, уже половина жизни прошла. А что ты сделал? Да ничего. Это тяготит ужасно.

— Ко всем ли одинаково относишься в актерском цехе, есть ли кумиры?

— Не кумиры, а артисты, которые нравятся: Петренко, Шукшин, из зарубежных...

— Конечно, Николсон, хоть говорят, что он однообразен?

— Джек Николсон, Дастин Хоффман, Де Ниро, Аль Пачино. А то, что кто-то может не нравиться как актер, я такие мысли стараюсь гнать. Ведь кто-то может сказать и обо мне то же самое. Мой принцип: не бросать камень в других. А вот восхищаться — восхищаюсь, талант в других с радостью замечая.

— Василий, а как ты к нашему народу относишься сейчас?

— Понимаешь, я к нему сейчас никак не отношусь. Вообще. Сейчас, на мой взгляд, это не назовешь народом, потому что нет нации. А если нет нации, нет страны.

— Да просто все в поисках денег, не уверены в завтрашнем дне, паникуют. Кстати, а если вдруг тебе придется расстаться с театром, есть запасная профессия?

— Наверное, стал бы таксистом. Точнее, хозяином такси. Думаю, был бы водителем исправным, клиентов не подводил бы.

— Чаевые брал бы?

— Не чаевые, а что положено...

Беседу вел
Петр ЧЕРНЯЕВ.

Василий МИЩЕНКО:

"Людей нашей профессии всегда хоронили за оградой кладбища"

Грустный супермен на экране, Хлестанов на сцене, романтик в жизни. Неудобный, неуступчивый, упрямый, как и его герои из фильмов «Один и без оружия», «В последнюю очередь», «Дураки умирают по пятницам», «Наше призвание». Будет сидеть без денег, без работы, но принципами не поступится, пощады не попросит.

Не забыть ему того ощущения, холода безысходности, который пробежал по спине в прошлом августе, когда Белый дом был окружен и по улицам шли бэтээры, а приятель по театру хлопнул его по плечу: «Ну что, Васек, теперь на наш век солдат играть во-о хватит!». И провел по шее ребром ладони. Хоть смеяться, хоть плачь. Ведь действительно во славу хунты, возьми она власть, снимались бы десятки фильмов.

— Ну а большевиков или коммунистов доводилось играть?

— Куда же без этого? Уже в дипломном спектакле я играл Павку Корчагина. Это была пьеса Казанцева «И с весной я вернусь к тебе» — о Николае Островском. Правда, не рядовой ура-патриотический спектакль. Мы первыми показали личность этого писателя как бы с другой стороны. Показали, что плохой литератор — раз. И что фанатик — два. Старались рассказать о трагедии этого человека, обманутого коммунистическим строем, дьявольской системой, которая, сломав его, строила на его костях светлое будущее. Вот я и играл Корчагина человеком, из которых, как там говорилось, шпалы можно делать. Это был 78-й год. Бывший секретарь Бауманского райкома приехал на спектакль и заявил, что это антисоветчина.

— Значит, ты не сильно замарался конъюнктурой?

Куралев, Стас Сададьский, Маша Распутина, а мне он предложил роль Ивана-дурака. Хочется, но не можем найти средств... Есть и свои задумки. Например, о моих родителях, как они познакомились в лагере, история их любви. Или складывается в голове тема фильма о наемнике, нашем человеке, учившем солдат в Африке. Такие были. И картину я бы посвятил живым и убитым, которые всевали во Вьетнаме, Корее, Африке...

ху, не знаю, как бы себя вел. Вон даже в Афгане наши ребята не возвращались из плена, зная, что их будут считать предателями. Уходили в Европу, Америку, к душманам, принимали их веру. Я видел передачи об этом по телевизору. Так что все далеко не однозначно. У христианина бывают ситуации, когда он может лишь покончить с собой или уйти.

— Мы с тобой знакомы не первый год.

Кадр из фильма «Дураки умирают по пятницам».